

Владимир Панин

**ЖАРКОЕ ЛЕТО
СОРОК ВТОРОГО**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П16

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 184

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Панин, Владимир

П16 Жаркое лето сорок второго: роман / Владимир Панин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-133023-1

Отгремели бои советского контрнаступления под Москвой, так и не приведшего к коренному перелому в войне с Германией. Каждая из противоборствующих сторон намерена взять реванш за свои зимние неудачи и поставить победную точку летом 1942 года. Новый командующий войсками Крымского фронта Константин Рокоссовский получил приказ Ставки любой ценой удержать Керчь и снять блокаду с осажденного врагами Севастополя. Сможет ли Генерал Кинжал, как прозвали немцы молодого советского генерала за его мастерство в боях под Смоленском и Москвой, выполнить столь трудную задачу — вопрос, но он смело берется за её выполнение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133023-1

© Владимир Панин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава I

НАЗНАЧЕНИЕ ГИНДЕНБУРГОМ

Скупой свет лампы от дизельного движка освещал карту боевых действий в штабе Н-ской дивизии, куда два часа назад прибыл командарм-16, генерал-майор Рокоссовский. Тяжко, очень тяжело было наступать в самом начале февраля, когда весь запал декабрьского наступления уже иссяк, а Ставка упорно требовала продолжения наступательных действий. Трудность была не только в том, что все резервы, заботливо подготовленные Сталиным для контрнаступления, уже иссякли, а враг оказывал упорное сопротивление. За каждый город, каждую станцию и даже деревню велись ожесточенные бои, и населенные пункты приходилось брать, неся потери в расчете три к одному.

Некоторые из командиров отказались от лобовых ударов и стали применять тактику нанесения охватывающих ударов, заставляя противника под угрозой окружения отступать, но таких, к сожалению, было ещё недостаточно много. Больше было тех, кто не мог или не хотел постигать суворовскую «науку побеждать».

По этой причине во многих частях взаимодействия танков, пехоты и артиллерии было поставлено из рук вон плохо. Не было единого оркестра, чье

могучее звучание заставляло бы противника отступать. Очень многих комдивов приходилось буквально пихать, заставляя наступать, а не имитировать бурную деятельность. Именно по этой причине генерал Рокоссовский был вынужден покинуть штаб своей армии и выехать в Н-скую дивизию, для разъяснения комдиву и его помощникам целей и задач предстоящего наступления.

Выполняя приказ Ставки, командарм сумел взять важный опорный пункт немецкой обороны Сухиничи. Теперь предстояло взять Поповку, которую немцы превратили в хорошо укрепленную крепость.

Вызванный в штаб армии комдив произвел на Рокоссовского впечатление толкового человека, но когда начштаба армии Малинин стал проверять степень готовности дивизии к наступлению, картина оказалась неприглядной. Комдив либо не мог, либо не хотел наступать, и командарм был вынужден навести к нему визит.

Прибыв в штаб дивизии, генерал потребовал от каждого из приглашенных командиров отчета об исполнении подготовки наступления. С хмурым лицом он слушал их рапорты, затем ругал или хвалил в зависимости от доклада, а затем отдавал новые приказы и устанавливал сроки их выполнения.

По мере того, что спрашивали и как делали записи в свои полевые книжки, командарм определял для себя степень доверия к тому или иному командиру. В целом, от их докладов у него складывалось положительное впечатление от дивизии. Из общей картины выпадал начштаба дивизии. Если брать за основу, что желающий решить задачу человек ищет

способы её решения, а нежелающий ищет причины, то начштаба относился ко второй категории.

Едва Рокоссовский прибыл в штаб, как тот начал старательно перечислять ему то, чего не хватает дивизии для того, чтобы продолжить наступление. Картина для командарма была знакомой и понятной. На западном направлении вряд ли бы нашлась дивизия, не требующая срочного пополнения. Генералу не понравился нудный тон подполковника Горшечкина. С первых его слов было ясно, что он до смерти боится наступать и свой негативный настрой пытается скрыть нудными дивизии.

К огромному неудовольствию генерала, на февраль сорок второго года таких Горшечкиных в Красной Армии было превеликое множество, и размочить такого «сухаря» было крайне трудно. У них всегда была скрытая поддержка, в виде влиятельного сослуживца, однокашника по училищу или хорошего знакомого.

Сделав зарубку на памяти, командарм-16 приказал подать карту и стал закреплять цели и задачи дивизии в предстоящем наступлении. В возникшем разговоре его очень радовало, что командиры полков и бригады не стеснялись уточнять и спрашивать у генерала неясные им моменты.

— Таким образом, наносимые дивизией удары на Растеряевку и Безрукавку создадут угрозу окружения вражеским гарнизонам этих деревень. Если все будет сделано точно в указанные мною сроки, то немцы оставят их и отойдут к Ольховке, — склонившись над картой, генерал быстро прочертил линию по воздуху и ткнул карандашом в нужную точку на карте. Будучи подлинным штабным работником,

Рокоссовский всегда бережно относился к картам. Показывая Ольховку, он лишь слегка надавил на неё карандашом, но по неизвестной причине грифель хрустнул и остался лежать на карте.

Чертыхнувшись про себя, генерал протянул руку, смахнул с карты обломки грифеля и стал неторопливо разгибаться, и в этот момент рядом со штабом разорвался бризантный снаряд.

За время его пребывания немцы дали несколько залпов из дивизионных орудий по квадрату, где находился штаб дивизии. Не испытывая острой нехватки боеприпасов, немецкие артиллеристы могли позволить себе вести огонь по площадям. Делалось это регулярно, независимо от времени суток, в расчете на слепую удачу, и вот она им и улыбнулась.

Разорвавшийся в трех шагах от штаба Н-ской дивизии снаряд буквально нашпиговал своими осколками стены домика, в котором в этот момент находился Рокоссовский. Взрыв, грохот и острая боль в правой половине спины слились для командарма в один пронзительный звук. Пораженный в спину осколком, он успел выпрямиться, произнести: «Господи, как больно», — и двинуться по направлению к двери.

Боль действительно была сильной, разрывающей все тело на части, и с каждым шагом становилась все нетерпимей. Командарм успел сделать несколько шагов, прежде чем потерял сознание и рухнул на руки своего ординарца.

Очнулся Рокоссовский от холодного морозного ветра, что безжалостно обжигал его лицо. Оказалось, что он лежал на аэросанях, проворно несущихся по ночной дороге.

Для быстрого сообщения в условиях зимнего бездорожья командарм приказал выделить каждой дивизии по паре аэросаней для быстрого передвижения, и вот сам теперь ехал на них.

Увидев, что командарм очнулся, сидевший рядом с ним ординарец что-то попытался сказать ему, но от сильного ветра Рокоссовский плохо его слышал. Единственное, что он разобрал, было слово «хорошо!». Генерал попытался уточнить у ординарца, на щеке которого мелькнула слеза, что именно «хорошо», но в этот момент сани тряхануло, и он снова потерял сознание. В следующий раз сознание пришло к нему прямо на операционном столе, когда врачи уже заканчивали операцию.

— В рубашке родились, товарищ генерал, — заверил его хирург, привычно накладывая последние швы на поврежденную спину Рокоссовского. — Если бы вы встали в момент взрыва в полный рост, проникающее торакальное ранение вам было бы обеспечено. А так, только касательное ранение мягких тканей спины, правда, с серьезным повреждением лопаточной кости. Стукнул он вас, конечно, хорошо, шрам будет большой, но ничего. Ребра целы, легкое не повреждено, так что счастливо отделались, товарищ генерал.

Голос врача из-под маски звучал ободряюще, призванный сразу отогнать у раненого дурные мысли о его здоровье, но Константина Константиновича это мало интересовало.

— Скажите, доктор, как скоро я смогу вернуться к командованию армией? Дел слишком много, чтобы у вас долго лежать, — уточнил Рокоссовский, с трудом передвигая занемевшими губами, и тут эскулап его обескуражил:

— Боюсь, что не неделю и не две. Ранение кости может дать серьезное осложнение, да и крови вы потеряли порядком. Одним словом, отлежаться вам надо, товарищ генерал, аккурат так с месяцок, не меньше.

— Две недели, — обозначил срок своего пребывания в больнице Рокоссовский, — надеюсь, что мы сможем понять друг друга.

— А вот тут вы ошибаетесь, — мягко возразил ему врач. — Получен приказ, сразу после операции перевести вас в Центральный госпиталь в Москве. Как только ваше состояние позволит вас транспортировать, за вами будет прислан специальный самолет.

С приказом вышестоящего командования трудно спорить, особенно если распоряжения отдает Ставка ВГК в лице самого Сталина. Поэтому генерал смиренно принял решение Верховного, хотя был с ним категорически не согласен.

Для таких людей, как Константин Рокоссовский, худшим наказанием было не столько снятие с должности, сколько отрешение от дела. Даже лежа на больничной койке в ожидании прибытия транспорта, он постоянно интересовался подготовкой наступления на Поповку. Узнав, что вместе с ним тяжело ранен комдив Н-ской части и его обязанности исполняет Горшечников, Рокоссовский потребовал его незамедлительной замены.

— Он наступать боится. Людей только зря погубит и все дело сорвет. Знаю я таких «чистых товарищей», по бумагам все правильно, а результата никакого, одни причины и обстоятельства, — категоричным тоном говорил он пришедшему проведать его Малинину.

— Не беспокойтесь, Константин Константинович, я обязательно выполню ваше поручение относительно комдива, — заверил генерала начштаба.

— Кто сейчас на армии?

— Пока я, но говорят, Жуков хочет назначить командармом генерала Баграмяна.

— Знаю, толковый командир. Сработаетесь и обязательно возьмете Поповку, — сказал Рокоссовский и загрустил. Его армия худо-бедно, но продолжала наступление на запад, а он должен был отправиться на восток.

Теперь без него будут решаться боевые задачи, разрабатываться планы. Без него будут вестись жаркие бои наступления и ожесточенное отражение яростных контрударов противника. И до ушедших вперед полков и батальонов уже не докричатся, не дозваться, не увидеть их за чернеющей до самого горизонта стеной леса, среди густо засыпанных белым снегом полей.

Единственной отрадой для Рокоссовского в московском госпитале была встреча с семьей. После июня сорок первого генерал имел о них самую скудную информацию из писем и разговора с командующим. Знал, что находятся в эвакуации, что испытывают трудности, но в этот момент вся Россия испытывала трудности и половина страны была в эвакуации.

Но не только местные партийные органы и администрация госпиталя беспокоились о судьбе раненого генерала. Интересовались состоянием больного и компетентные органы по запросу армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса Льва Захаровича.

Знакомство с этим человеком для любого генерала Красной Армии было тяжелым и серьезнейшим испытанием. Посланный Сталиным на Западный фронт для выяснения вопроса о сдаче Минска на шестой день войны, он оставил о себе недобрую память в генеральской среде.

Истинный коммунист и комиссар, Мехлис спросил с каждого, кто был виновен в развале Западного фронта, и спросил жестко. Невзирая на былые заслуги и высокое положение провинившегося человека.

Приезд Мехлиса на фронт сильно всколыхнул генеральское сообщество. Его боялись, его ненавидели, но выполняли все его требования, и больше ни на одном фронте не было массовой сдачи в плен, с развернутыми знаменами и полковой музыкой.

Трудно дать однозначную оценку этому человеку. Он не был добрым и отзывчивым куратором, который только журил и трепал по головке провинившегося человека. Главным его мерилom всегда было дело, которое поручало ему государство, и его исполнение. Будучи продуктом своей эпохи, он требовательно спрашивал с каждого и в первую очередь с самого себя. Ему невозможно было понравиться или угодить. К лести он был глух, а праздных болтунов и любителей громких рапортов и праздничных отчетов терпеть не мог. Ему можно было только показать себя с хорошей стороны в деле, не раз и не два, и только тогда Мехлис был готов поддержать человека, поручиться за него своим комиссарским словом.

Столкнувшись с ужасающим положением в командной среде Красной Армии в июне сорок первого года, когда выяснилось, что все заверения наркома и начальника Генерального Штаба РККА сильно

разнятся с истиной, он не опустил руки. Не застрелился и не пустился в бега, а попытался хоть как-то исправить сложившееся положение.

Будучи далеко не глупым человеком, он отлично понимал, что одними репрессиями дело невозможно исправить. Один раз хорошо встряхнув красный генералитет в начале июля сорок первого, он больше никогда не настаивал перед Сталиным на повторении этого. Ни после Киевской катастрофы, ни после трагедии Вязьмы и Таллина, массового наказания среди провинившихся генералов не было.

Как правило, взыскания получали единичные представители верховного командного сословия, в виде понижения в звании и должности, с отправкой на фронт. Мехлис, как и Сталин, видел исправление безграмотного командования в выдвижении новых командиров, способных на равных сражаться с врагом, за спиной которого была вся Европа, и его офицеры и генералы имели большой серьезной военной опыт, в отличие от выдвиженцев Гражданской войны.

Такие командиры, несомненно, были. Их характер и навыки выковывались в жестоких боях с противником. Их нужно было только разглядеть, подставить плечо и помочь сделать шаг в нужном направлении. И чем скорее это сделать, тем будет лучше всем.

Как заместитель наркома обороны, он был в курсе всех военных удач и неудач огромного фронта, раскинувшегося от Белого моря до Черного моря. Тщательно просматривая их, он «брал на карандаш» и записывал в специальный блокнот тех, на кого стоило обратить внимание в плане роста.

В числе заинтересовавших Мехлиса людей был и генерал Рокоссовский. Его заместитель обороны запомнил ещё по смоленскому сражению и мог убедиться в правильности своих суждений во время битвы за Москву.

С начала сорок второго года Лев Захарович был направлен представителем Ставки в Крым, где удачно высадившийся советский десант никак не мог пробиться к осажденному немцами и румынами Севастополю. Прибыв на место, он быстро определил причины неудачи, настоял на выделении Крыма в самостоятельный фронт из общего Северокавказского направления. Шаг был правильный и очень своевременный, но ожидаемый успех так и не наступил. Командующий фронтом генерал Козлов явно не справлялся с должностью командующего фронтом. Так, из-за того, что в освобожденную от немцев Феодосию не были своевременно доставлены средства ПВО, от огня вражеской авиации серьезно пострадал крейсер «Красный Кавказ». На освобожденной территории Крыма не было организовано ни одного медицинского госпиталя, и всех раненых приходилось отправлять морем на Кубань. Высадившиеся в Крыму соединения 51-й и 44-й армий плохо координировали свои действия, из-за чего наступательный порыв десанта пропал впустую и началась затяжная позиционная война.

Любая война не бывает без ошибок, и генерал-лейтенант Козлов не был застрахован от них, как любой другой советский генерал того времени. Однако, совершая плохо продуманные и плохо подготовленные действия, он не стремился сделать надлежащие выводы из постигших его неудач. Более того, он вся-

чески сопротивлялся действиям Мехлиса по наведению порядка в войсках фронта, делая все, о чем говорил представитель Ставки, что называется, «из-под палки».

Больших трудов стоило Льву Захаровичу добиться переноса штаба фронта из Тбилиси, откуда Козлов совершал руководство войсками, в Крым. Только вмешательство Сталина заставило командующего покинуть тихую и уютную столицу Грузии и отправиться в Керчь, где каждый день можно было угодить под бомбежку или артобстрел.

Столь напряженные отношения между комфронта и представителем Ставки не могли закончиться ничем хорошим, и предпринятое Крымским фронтом наступление в конце февраля закончилось безрезультатно. Войска фронта не смогли прорвать оборону врага на всю его глубину, несмотря на отдельные успехи в начале операции. И если постигшую его неудачу Козлов объяснил неукомплектованностью дивизий, усталостью личного состава и малым количеством артиллерии и танков, то Мехлис напрямую обвинил его в неумении руководить войсками. В телефонном разговоре со Сталиным сразу после прекращения операции он потребовал снятия Козлова с должности командующего войсками фронта.

— Козлов — советский барин, который любит сладко поесть и попить и не любит заниматься делами, — дал нелестную характеристику комфронта Мехлис. — Он ленив, не любит кропотливой и повседневной работы, не проверяет выполнение отданных им приказов и распоряжений. Оперативными вопросами не интересуется, руководит войсками